

Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода

И.В. Мальцев

сотрудник отдела Министерства труда и социального развития Новосибирской области. Адрес: 630007, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Серебренниковская, 6. E-mail: ivan_maltsev@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются подходы к изучению феномена правовых символов в юридической науке. Подчеркивается, что существующие подходы к рассмотрению символов ограничивают пространство их понимания аспектами исследования формы права в историко-правовой и технико-правовой парадигмах. Историко-юридический подход ограничивает сферу соответствующих исследований вопросами развития формы права, где понятие «символ» в значительной степени соотносится с понятием «обычай». В данном случае, за пределами исторического контекста, категория правовых символов зачастую утрачивает юридическое значение и не может рассматриваться в качестве правового института. В рамках технико-юридического подхода символам отводится роль вспомогательного средства правового регулирования, приема юридической техники. Данные подходы не позволяют раскрыть полностью сущность символов, затрудняют решение вопроса об их правовой институционализации. Критически оценивается обращение к понятию правовых символов, сопряженное с размытостью терминологических границ его объема, и предупреждается о риске проникновения сомнительных теоретических построений в позитивное право. Применен институционально-юридический подход к символам в опоре на метод индукции через поиск объектов, способных войти в состав понятия правового символа как межотраслевого правового института с учетом существенных признаков этого понятия, выделяемых в общенаучных концепциях и юридической науке, а также с учетом терминологической практики, отраженной в правовых актах. Авторское определение понятия правовых символов в рамках институционально-юридического подхода основано на комплексе существенных признаков: условности; многозначности; особой ценности; исключительности правовой связи с субъектом-носителем; уникальности; стабильности; правового опосредования; внешней объективации в особой форме. Указанные признаки позволяют выделить правовые символы из более широкой категории социальных символов, а также отграничить их от смежных знаковых явлений, имеющих юридическое значение.

Ключевые слова

символ; знак; герб; флаг; гимн; форма права; юридическая техника; институционализация.

Для цитирования: Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 100–121.

УДК: 340

DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.100.121

Введение

Одним из актуальных вопросов изучения правовых символов с позиций правовой науки является их исследование в качестве межотраслевого правового института и значимого для права ценностного объекта, поскольку существующие подходы к пониманию символов в правоведении ограничивают пространство их понимания аспектами исследования формы права в историко-правовой и технико-правовой парадигмах.

Так, историко-юридическое понимание символов ограничивает сферу соответствующих научных исследований вопросами развития формы права, где понятие «символ» в значительной степени соотносится с понятием «обычай»¹. Вспомним здесь позиции дореволюционного ученого П.Д. Колмыкова о символах как наиболее ранней эпохе «истории обрядов юридических» [Колмыков П.Д., 1839: 19], выводы В.В. Момотова, по мнению которого «ритуально-символическая форма права была одной из первых форм выражения обычного права в древнерусском обществе» [Момотов В.В., 2003: 16], обобщения А.Ю. Глушакова, отмечающего непосредственную функциональную «связь обычного права (в последующем и так называемых “варварских” правд) и правовых символов — в сфере обычного права, в котором правовые символы использовались в процессе правового регулирования» [Глушаков А.Ю., 2008: 314].

За пределами исторического контекста категория правовых символов зачастую утрачивает юридическое значение и не может рассматриваться в качестве соответствующего правового института: предметы, когда-то отражавшие особое символично-правовое содержание (природные объекты, предметы быта, части человеческого тела и др.), сохраняют его лишь в качестве «правовых древностей» либо институционализируются в праве как таковые, безотносительно к отвлеченным значениям.

В рамках технико-юридического понимания символов отчетливо прослеживается их актуальность для современного, «живого», права, но многие ученые вслед за Н.Н. Вопленко [Вопленко Н.Н., 1995: 71–73] отводят символам роль вспомогательного средства правового регулирования, приема юридической техники. Например, как отмечает А.В. Никитин, «применение символов в праве имеет двоякое значение: во-первых, оно облегчает уни-

¹ Как отмечает И.А. Исаев, «обычай составлял основу символической формы» [Исаев И.А., 2002: 6].

фикацию права, и, во-вторых, оно способствует экономии сил, упрощая и типизируя юридически значимое поведение» [Никитин А.В., 2000: 443].

Данный подход затрудняет решение вопроса о правовой институционализации символов, поскольку обычно обращение ученых к данному понятию сопряжено с размытостью терминологических границ его объема и, как следствие, риском попадания сомнительных теоретических построений в позитивное право. Безотносительно к содержанию признакам и функциям, вкладываемым в понятие «символ» в доктринальных источниках и нормативных правовых актах, к правовым символам как средствам юридической техники относят чрезвычайно широкий круг явлений — от схем и таблиц (А.Ю. Глушаков) до Интернета (О.И. Шарно).

Отправной точкой предпринятого в данной работе институционально-юридического подхода к символам является поиск объектов, способных войти в состав понятия «правовой символ» как межотраслевого правового института с учетом существенных признаков этого понятия, выделяемых в общенаучных концепциях и юридической науке, а также с учетом терминологической практики, отраженной в нормативных правовых актах. Необходимой основой для построения дальнейших выводов о понятии «правовой символ», по нашему мнению, должен являться *метод индукции*.

1. Проблема предметной определенности символов как правового института

Рассуждения о символах в праве с позиции институционально-юридического подхода и, что наиболее принципиально, выбор элементов рассматриваемого класса для последующих индуктивных заключений целесообразно начинать, отграничив и восприняв явления, которым сущность символа свойственна вне зависимости от избранных допущений и контекста; явления, которые остаются символами в любых условиях, устойчиво определяются через данное родовое понятие с учетом формально-логических правил в словарно-энциклопедической, научной литературе и нормативных правовых актах. Именно внеконтекстуальность, часто оставаясь за рамками научных работ о правовых символах, на наш взгляд, способна задать изучаемому вопросу отчетливый предметный вектор.

Так, если понятия «герб», «флаг», «гимн» устойчиво определяются как символы и в общеязыковой практике, и в нормативных правовых актах, то подобное сопоставление для многих причисляемых к символам явлений происходит вне опоры на фундаментальные дефиниции, в рамках стоящих перед исследователем задач или в силу сиюминутной риторической красоты².

² Проблему терминологической чистоты понятия «символ» применительно к вопросам правовой науки осложняет и мощный риторический потенциал этого понятия, обуславливающий

Не менее важно разграничить символы как объекты правоотношений от символов, рассматриваемых в качестве теоретико-правовых построений или «нетрадиционных» правовых норм (и в этом смысле сравниваемых, например, с правовыми аксиомами [Давыдова М.Л., 2009: 296–298], правовыми фикциями [Дормидонтов Г.Ф., 1895: 61–63] и т.д.). Действительно, если мы понимаем под символом мыслительный прием замещения чего-то одного чем-то другим, поиск не только исчерпывающего, но даже сколько-нибудь репрезентативного перечня объектов, составляющих объем данного понятия, теряет всякий смысл. Попытки поиска такой выборки не будут корректными, если правовой символ предстает в исследовании как «определенная форма отражения юридической действительности, выраженной как в форме мысли, психических переживаниях, так и в форме текста правового акта» [Никитин А.В., 2000: 446] или в качестве нетипичной формы нормативно-правового предписания [Давыдова М.Л., 2009: 191–192].

Дифференциация подходов в понимании правового символа (например, как объекта правоотношения и как особой правовой нормы) требуется и при выделении существенных признаков данного понятия. Например, если О.Е. Спиридонова в качестве одного из признаков, присущих правовому символу, указывает на общеобязательность [Спиридонова О.Е., 2002: 41], очевидно, что позиция исследователя тяготеет к пониманию символа как особой нормы права (некорректно было бы говорить об общеобязательности какого-либо символа как объекта правоотношения).

Узкий круг явлений, последовательно определяемых в качестве символов (герб, эмблема, флаг, знамя, вымпел, гимн), вполне отчетливо сформировался в позитивном праве³. Не менее осторожный «объектный» подход можно заметить при попытке найти обращение к этому понятию в юридических энциклопедиях и словарях, где развернутые определения символа (символов) нередко подменяются перечислением объектов-представителей⁴ либо вообще не включаются в качестве самостоятельных статей⁵. В подавляющем

его отвлеченное использование, нередко вне рамок предметного исследования. Так, «символами» зачастую именуются самые значимые государственно-правовые явления: Конституцию, кодекс, суверенитет, государство, правовое государство и т.д.

³ Примером яркого и не вполне оправданного исключения, на наш взгляд, являются положения п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242), где приведен широкий открытый перечень объектов, входящих в понятие «символика».

⁴ Например, статья «Государственные символы» в Юридической энциклопедии, составленной Л.В. Тихомировой и М.Ю. Тихомировым, отличается предельной краткостью: «См. Государственный герб; Государственный гимн; Государственный флаг» [Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю., 2002: 202].

⁵ Статью «Символы» («Государственные символы») нам не удалось обнаружить в советских юридических словарях, где самостоятельные статьи обычно посвящены государственным гербу, флагу и гимну.

большинстве случаев, сводящихся, впрочем, лишь к характеристике символов государства⁶, к числу таких объектов-представителей составители юридических энциклопедий и словарей относят государственные герб, флаг, гимн⁷. Указанные объекты попадают в зону внимания практически любого современного исследования о правовых символах, а в теории государства и права нередко рассматриваются собирательно в качестве признака государства.

2. Признаки правовых символов в рамках институционально-юридического подхода

Основываясь на допущении о закономерности рассмотренной объектной избирательности для правовой науки и практики и принимая во внимание, что каждый из упомянутых объектов обладает комплексом существенных признаков, одновременно свойственных родовому понятию символа в праве, методологически оправдана попытка вычленения, анализа данных признаков для последующего их синтеза при составлении авторского определения понятия «правовой символ».

Предлагаемые нами в рамках институционально-юридического подхода признаки правовых символов, которые приводятся ниже, кроме того, позволяют выделить их из более широкой категории социальных символов, а также разграничить со смежными знаковыми явлениями, имеющими юридическое значение.

2.1. Условность (конвенциональность)

С общенаучной точки зрения конвенция (соглашение) — «познавательная операция, предполагающая введение норм, правил, ценностных суждений, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов познания» [Микешина Л.А., 2013: 16]. Общий для самых разных по форме, содержанию и функциям обозначений признак условности является для символов фундаментальным. Признак условности (конвенциональности), на наш взгляд, исключает из числа объектов, которые в формально-логическом смысле могут быть названы символами или знаками в правовой доктрине и нормативных правовых актах, такие объекты, как официальные документы, поскольку последние прямо и очевидно передают соответствующую информацию.

⁶ Таким образом, по итогам проработки специализированной словарно-энциклопедической литературы может сложиться ложное впечатление, что иные символы, кроме государственных, праву безразличны.

⁷ Несколько реже упоминаются также государственные цвета, штандарт главы государства, государственная печать, девиз государства, столица государства, торжественные даты и др.

В связи с этим подчеркнем, что показательно понятия «символ» и «знак» (с одной стороны) и «документ» (с другой стороны) разграничены в п. 6 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Однако в данном случае законодатель перечисляет примеры символов и знаков без редакционного разделения: «государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и тому подобное), а также символы и знаки муниципальных образований». Совершенно очевидно, что с использованием одного лишь признака условности (конвенциональности) указанные объекты разграничить не удастся.

2.2. Многозначность

Во многих научных работах, предметом которых выступают символы и знаки, при попытках их разграничения отмечается многозначность первых и однозначность вторых. Так, например, В.С. Мартьянов указывает, что «символ неизменно связан с поливалентностью смысла. Знак — это носитель любого фиксированного смысла. Символ потенциально заключает в себе множественные смыслы» [Мартьянов В.С., 2011: 114]. А.Н. Веракса делает при этом акцент на принципе предметности, отмечая, что «символ характеризуется двойственной предметностью: первичная предметность символа определяется его внешностью, т.е. чувственно созерцаемой формой, вторичная (скрытая) предметность обусловлена указанием на символизируемую сущность. Причем обе различающиеся предметности символа существенны» [Веракса А.Н., 2016: 54]. В отличие от символа, знак с заданным значением, по мнению ученого, обладает единичной предметностью.

К сожалению, в специальных исследованиях ученых-юристов о правовых символах признаку многозначности зачастую не уделяется необходимого внимания, что в ряде случаев приводит к фактическому отождествлению категорий символа и знака⁸, смешению разнопорядковых правовых объектов, когда понятием «символ» охватываются любые знаковые явления, элементарные технические решения (вплоть до таблиц, сигналов светофора) и т.д. Возможно, указанная тенденция была бы лучше объяснима, если за основу в качестве обобщающего понятия исследователи принимали бы понятие «знак», поскольку ценность символов, сводимая в праве лишь к точному, лаконичному и оперативному доведению до субъектов правовых предписаний в услов-

⁸ Показательным примером являются две отдельные энциклопедические статьи, посвященные символам и знакам, где *знаки государственные* определяются как «символы государства, к которым относятся флаг, герб, гимн, государственная печать, а также пограничные знаки», а *символы и эмблемы государства* — как «индивидуальные знаки, символизирующие данное государство: государственный флаг, государственный герб, государственный гимн, столица государства» [Топорнин Б.Н., 2001: 354, 989].

ной форме, превращает эти символы в знаки с предельно четким единственным значением. Такая трактовка ничего «не отнимет», скажем, у дорожных знаков или жестов регулировщика, но, по нашему мнению, лишит важнейших смысловых и сущностных компонентов те же гербы, флаги и гимны.

Возвращаясь к формулировке п. 6 ст. 1259 ГК РФ, где упоминаются символы и знаки, следует сделать вывод, что обе данные категории одновременно признаются, но не отождествляются законодателем (во всяком случае, их позиционирование происходит вне рамок логических отношений равнообъемности или подчинения одного понятия другому). Однако вопрос о сколько-нибудь определенном объектном наполнении каждого из них решен следующим образом: приведен *общий* для символов и знаков незакрытый перечень примеров («флаги, гербы, ордена, денежные знаки и тому подобное»).

В данном случае одним из важных критериев разграничения символов и знаков является как раз признак многозначности, отраженный, в том числе в устойчивой нормативно-правовой терминологии, когда за одними объектами последовательно закрепляется термин «символ» (гербы, флаги, гимны), за другими — термин «знак» (ордена как вид знаков отличия⁹, денежные знаки, дорожные знаки и т.д.). В случае с символами своеобразному «кодированию» подлежит не только связь обозначаемого (например, Российская Федерация) и обозначающего (например, Государственный герб России), но и иные семантические пласты, выходящие за пределы сугубо внешнего обозначения, которые также могут иметь юридическое значение и правовую ценность.

Так, гербы, флаги и гимны способны служить не только визуальными идентификаторами своих носителей, но и выражать пространство их внутренней идентичности, нести информацию об исторической основе, идеологических максимах, целевых ориентирах. В случае с государственными символами мы нередко можем делать выводы о форме правления, форме государственного устройства или политическом режиме того или иного государства¹⁰. Как замечает М. Пастуро, «изображение как на печати, так и на гербе говорит не только о личности и социальном статусе ее обладателя, но также — за счет выбора того или иного рисунка, той или иной легенды — о его индивидуальности, его стремлениях, его притязаниях. В этом смысле оно одновременно является и эмблемой, и символом» [Пастуро М., 2017: 238].

Нельзя не отметить позиций, «дезаурирующих» попытки поиска в рассматриваемых символах какого-либо особого смыслового содержания. На-

⁹ Ср. также позиции, перечисленные в п. 3 Положения о Государственном геральдическом регистре Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21.03.1996 № 403 «О Государственном геральдическом регистре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 13. Ст. 1307.

¹⁰ Например, флаг США является наглядным историко-правовым путеводителем по становлению этого федеративного государства: по количеству полос и звезд мы можем судить о первоначальном и современном количестве штатов.

пример, по мнению геральдиста М.Ю. Медведева, «основная функция герба состоит в указании на хозяина, а не на некие абстрактные вещи. Поэтому на деле, что именно обозначает двуглавие российского орла — абсолютно неважно. Двуглавый российский орел обозначает Россию — вот и все. Дальше мы можем вычитывать любые смыслы, близкие нашему пониманию контекста»¹¹. По сути, такое понимание гербов (а равно флагов и гимнов) сводит их на уровень элементарных знаков, подобных знакам, используемым в точных науках или в правовом регулировании дорожного движения. Тогда мы получили бы объект, который, словами А.Ф. Лосева, «практически имеет вполне однозначное, вполне одномерное и начальное значение, которое указывает только на факт существования чего бы то ни было другого, не входя ни в какую обрисовку этого другого и не вступая с ним ни в какие иные отношения, кроме самого акта обозначения» [Лосев А.Ф., 1976: 134]. Нельзя не привести здесь и слова И.А. Исаева, что «символизм правовой формы заключается не столько во внешних и материальных знаках, сколько в динамизме и многосмысленности [курсив наш. — И.М.] отражения им правовой реальности» [Исаев И.А., 2002: 4].

На наш взгляд, способность быть не только внешними идентификаторами, но одновременно выражать сущность своего носителя через потенциально неограниченный спектр семантических векторов, рассматриваемая здесь как многозначность, — важный признак символов, отличающий их от знаков.

2.3. Особая ценность

Круг правовых символов отчетливо сужается в аксиологическом аспекте. Гербы, флаги, гимны, выделенные нами для анализа в этом качестве, нередко рассматриваются в исследованиях как объекты, однопорядковые с особо почитаемыми духовными явлениями. Например, концепция работы Н.А. Соболевой и А.Н. Казакевича состоит в структурном объединении глав, посвященных российскому государственному гербу, гермам территорий и российских городов, государственным флагу и гимну, с главой о символах и святынях Русской Православной Церкви [Соболева Н.А., Казакевич А.Н., 2006: 208 с.]. По мнению Е.Н. Карабановой, «именно ценностный характер значения, некий симбиоз идейного начала и эмоциональной оценки, отличает символ от всех других видов знаков» [Карабанова Е.Н., 2013: 62], а государственные герб, флаг и гимн исследователь характеризует как «особо почитаемые символы» наряду с символами, увековечивающими память погибших при защите отечества, и символами религиозного почитания.

¹¹ Медведев М. Основная функция герба состоит в указании на хозяина. 2019. Available at: URL: (дата обращения: 09.04.2019)

Как отмечают И.М. Дзялошинский и М.А. Пильгун, символ, «обозначая какие-то предметы, явления или процессы, одновременно указывает на связь означаемого предмета или явления с высшими ценностями или высшими силами» [Дзялошинский И.М., Пильгун М.А., 2011: 18].

Разумеется, ценностный характер, не сопоставимый с ценностью соответствующего материального носителя, придает символу именно устойчивая взаимосвязь обозначаемого и обозначающего. Так, в аспекте проблем уголовно-правовой охраны особо почитаемых символов Е.Н. Карабанова указывает, что «если символизируемое явление признается социально значимым и особо почитаемым с точки зрения нравственной ценности, то объектом уголовно-правовой охраны должны выступать и само явление, и его символ, суть которого в неразрывной связи знака и обозначаемого явления» [Карабанова Е.Н., 2013: 62].

Вспомним здесь знаменитое высказывание британского публициста, историка и философа Т. Карлейля, который писал: «Разве я сам не знал пять сотен живых солдат, изрубленных на пищу воронам за кусок сатина, который они называли своим Флагом; который, если его продать на каком-нибудь рынке, не принес бы больше трех грошей?» [Carlyle T., 1838: 230]. Не зря при оценке современных проблем российской идентичности П.Е. Родькин задается вопросом, вынесенным в заголовок соответствующей статьи: «Национальная идентичность: готовы ли мы умирать за свои символы?»¹².

Представляется, что аксиологический компонент в исследовании правовых явлений в целом может быть с большой наглядностью продемонстрирован как раз на примере правовых символов. При этом важно отметить, что несмотря на отпечаток «сакрализации», который вносят используемые при характеристике ценности символов понятия «святыня», «почитание» и т.д., в данном случае мы ни в коей мере не говорим о возможности их выведения за пределы рациональной оценки и научной интерпретации.

2.4. Исключительность правовой связи с субъектом-носителем

Как на примере избранных для анализа форм символов — герба, флага, гимна, так и в опоре на приведенные выше рассуждения об особой ценности как признаке правовых символов, допустимо в порядке постановки проблемы говорить о выделении в качестве таковых (соответственно, и в контексте разграничения со смежными категориями) лишь явлений, имеющих *исключительную* правовую связь с субъектом права.

¹² Available at: URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/nacionalnaya-identichnost-gotovy-li-my-umirat-za-svoi-simvoly> (дата обращения: 09.04.2019)

Если принять во внимание, что, по сути, ценность символов как явлений обозначающих определяется ценностью связанных с ними и обусловивших самое их существование явлений обозначаемых, в пространстве юридической науки очевидно смещение акцента на субъектов права — на человека¹³ (физических лиц), на объединения граждан (в том числе создаваемые ими юридические лица), на публично-правовые образования, объединяющие людей на территориальном и государственном уровнях.

С этой точки зрения нельзя назвать случайным формирование заметной «субъектно-символической» и «объектно-знаковой» терминологии в правовых актах, когда понятие «символ» соотносится с субъектами права (государственные символы Российской Федерации¹⁴, официальные символы Вооруженных Сил Российской Федерации¹⁵, официальные символы муниципальных образований¹⁶ и др.), а понятие «знак» — с объектами правоотношений (товарные знаки¹⁷, денежные знаки¹⁸, знаки почтовой оплаты¹⁹ и др.)²⁰.

Тесная связь правовых символов именно с субъектами права подтверждается, кроме того, их рассмотрением в работах правоведов (прежде всего ученых-цивилистов) с позиции классических «субъектных» институтов, среди которых, прежде всего, «личное неимущественное право» и «субъективное право». Например, субъективное право на личный герб Т.В. Дробышевская

¹³ В ст. 2 Конституции России высшей ценностью провозглашен человек.

¹⁴ См. ст. 17.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.

¹⁵ См. ст. 1 Федерального закона от 29.12.2000 № 162-ФЗ «О знамени Вооруженных Сил Российской Федерации, знамени Военно-Морского Флота, знаменах иных видов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 1. Ч. II. Ст. 14.

¹⁶ См. ст. 9 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁷ См. ст. 1477 ГК РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.

¹⁸ См. ст. 33 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

¹⁹ См. ст. 2 Федерального закона от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

²⁰ Отметим, что «дихотомически» последовательно такое соотнесение не всегда. Например, в федеральном законодательстве мы встречаем понятие «символ», сопоставленное с такими категориями как «героизм, мужество и стойкость народов нашего Отечества» (в отношении мест боевых действий), «Победа советского народа в Великой Отечественной войне» (в отношении Знамени Победы), «воинская слава России», «судебная власть», «государственная власть». Большинство случаев бессубъектного применения понятия «символ» законодателем, как можно видеть, связаны с ценностными категориями, опосредующими безусловные социально-исторические и политические максимы Российского государства, но здесь мы, скорее всего, сталкиваемся с понятиями из более обширной области социально-политического дискурса, применение которых в юридической деятельности сопряжено со значительными трудностями адекватного толкования.

рассматривает в числе личных неимущественных прав физического лица [Дробышевская Т.В., 2001: 32], а В.С. Толстой говорит и о неимущественных правах юридических лиц и публично-правовых образований на выбор обозначений (для последних в числе обозначений упоминаются также герб, флаг, гимн) [Толстой В.С., 2009: 210].

Рассматривая гербы и другие символы в числе объектов личных неимущественных прав, мы предлагаем обратиться и к такому признаку указанных прав, как их неотчуждаемый характер. Сопоставляя в этом отношении субъективное право на символ и исключительное право на средство индивидуализации (к числу которых относятся и товарные знаки), следует обратить внимание на существенное различие в распоряжении этими правами. Насколько можно судить, первые в данном случае близки по своей природе к понятию «нематериальные блага», которые в силу ст. 150 ГК РФ являются неотчуждаемыми и непередаваемыми иным способом. Вторые в силу прямого указания закона могут отчуждаться, в том числе в полном объеме (положения о договоре об отчуждении исключительного права закреплены в ст. 1234 ГК РФ). Кроме того, нельзя не указать на бессрочный характер признания нематериальных благ в отличие от регламентируемых в законодательстве сроков действия исключительных прав²¹. Важно отметить, что подавляющее большинство правовых знаков, которые наряду с собственными символами может использовать субъект права, через категории личных неимущественных прав или нематериальных благ охарактеризовать нельзя. В данном случае речь идет, например, о знаках отличия и знаках различия.

Очевидно, что символ, рассматриваемый как явление, однопорядковое с именем лица, является обозначением неотчуждаемым и обладает ярко выраженным персонифицированным характером, связь лица и символа исключительна. В случае со знаками отличия и знаками различия, по общему правилу, речь не может идти ни о персональной индивидуализации, ни о каких-либо исключительных правах на этот знак. Кроме того, ни то, ни другое не доступно для любого желающего и по крайней мере «теоретически» неотчуждаемо.

Таким образом, рассматриваемый признак, как мы полагаем, выводит из числа правовых символов следующие явления, которые причисляются к таковым в ряде научных работ и нормативных правовых актов: знаки отличия (в том числе ордена, медали и другие награды), форменную одежду и знаки различия (в том числе отличительные знаки должности судей и другие должностные знаки), денежные знаки, товарные знаки. Также мы отмечаем очевидную проблемность как для возможной интеграции в системный понятийный аппарат отечественного права, так и для практического правоприменения от-

²¹ Например, ст. 1491 ГК РФ определяет срок действия исключительного права на товарный знак (10 лет) с возможностью последующего продления.

дельных примеров создания законодателем абстрактных конструкций, в которых понятие «символ» опосредует столь же трудные для оценки их содержания и объема явления (например, «символы воинской славы»).

2.5. Уникальность

Признак уникальности правового символа обусловлен неповторимостью каждого отдельного субъекта права и является логическим продолжением исключительности их связи, о которой говорилось выше. Конечно, правовые символы — это не биометрические данные, неповторимая индивидуальность которых изначально «гарантирована» природой, а рукотворный феномен, не исключающий схожих решений в пространственном или временном аспектах. Однако решение задачи по предупреждению и устранению коллизий, вызванных сходством правовых символов, определяет принципиальную важность рассматриваемого признака, ведь с юридической точки зрения особенно заметна вся серьезность последствий, связанных с ошибкой в идентификации того или иного лица.

Универсальных методик преодоления данных коллизий на межгосударственном уровне нет, впрочем, и случаи совпадения символов суверенных государств весьма редки (вспомним государственные флаги Индонезии и Монако; Румынии и Чада; Люксембурга и Нидерландов). Деликатность подобных вопросов, безусловно, связана с реализацией государствами их суверенных прав. С другой стороны, несмотря на всю полноту самостоятельности и независимости, государства не существуют в современном мире автономно и самодостаточно, а их символы не терпят изоляции, поскольку являются одним из важнейших феноменов, способствующих межгосударственным коммуникациям.

В рамках внутригосударственной юрисдикции, как правило, создаются необходимые правовые рычаги, позволяющие избежать или снизить риск появления одинаковых символов у разных субъектов права. Например, в России право на установление собственных символов самостоятельно реализуют субъекты федерации и муниципальные образования, однако содержание этих символов анализируется при их внесении в Государственный геральдический регистр, созданный в целях систематизации и упорядочения использования официальных символов и отличительных знаков²². Территориальные гербы в Российской империи вводились после Высочайшего утверждения монархом²³ (Император жаловал также и дворянские гербы).

²² П. 1 Положения о Государственном геральдическом регистре Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «О Государственном геральдическом регистре Российской Федерации».

²³ См., напр.: Высочайше утвержденные гербы для сорока шести губерний и областей, объявленные Сенату [от 05.07.1878] // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. LIII. Отд. 2. № 58684. СПб., 1880. С. 6–7.

В настоящее время примеры централизованного установления символов имеются в Республике Беларусь²⁴, Италии²⁵, Эстонии²⁶ и др., а в Австрии гербы муниципалитетов устанавливаются правительствами земель²⁷.

Количество символов физических и юридических лиц может несопоставимо превышать число символов публично-правовых образований, но и здесь при желании возможны самые разные пути их упорядочения, в том числе контроля над их уникальностью — от публикации специальных уведомлений, предшествующих принятию²⁸, до официальной регистрации²⁹ или официального утверждения³⁰.

2.6. Стабильность

Признак стабильности правовых символов напрямую связан со стремлением к устойчивости и постоянству их носителей — любых субъектов права; здесь мы можем говорить как об устойчивости публично-правовых образований и легитимности публичной власти, так и о сплоченности «под

²⁴ См., напр.: Указы Президента Республики Беларусь от 01.12.2011 № 564 «Об учреждении официальных геральдических символов административно-территориальных единиц Минской области» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 137, 1/13126; от 24.07.2014 № 373 «Об учреждении гербов административно-территориальных и территориальных единиц Витебской и Гродненской областей» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2014. № 1/15194.

²⁵ См.: *Emblemi concessi dal Presidente della Repubblica su proposta del Presidente del Consiglio dei Ministri*. 2019. Available at: URL: http://presidenza.governo.it/onorificenze_araldica/araldica/emblemi/index_emblemi.html (дата обращения: 09.04.2019)

²⁶ Например, гербы и флаги уездов (маакондов) утверждены Министром внутренних дел Эстонии, см.: *Siseministri 26.09.2014 määrus nr 40 «Maakondade sümbolite kehtestamine»*. 2019. Available at: URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/109102014008> (дата обращения: 09.04.2019)

²⁷ См., напр.: *Kundmachung der o.ö. [oberösterreichischen] Landesregierung vom 15. Jänner 1973 über die Verleihung des Rechtes zur Führung eines Gemeindegewappens an die Gemeinde Pollham* // *Landesgesetzblatt für Oberösterreich*. Jg. 1973. Stück 5. Nr. 12. S. 19; *Verordnung der Steiermärkischen Landesregierung vom 20. April 1998 über die Verleihung des Rechtes zur Führung eines Gemeindegewappens an die Gemeinde Sulztal an der Weinstraße (politischer Bezirk Leibnitz)* // *Landesgesetzblatt für die Steiermark*. Jg. 1998. Stück 12. Nr. 36. S. 72.

²⁸ См., напр., практику Южно-Африканской Республики, где предусмотрены официальные публикации поступивших на регистрацию гербов (для возможной подачи возражений заинтересованными лицами), в том числе: *Government Gazette*. 2014. 27 June. Available at: URL: http://www.gpwonline.co.za/Gazettes/Gazettes/37760_27-6_National_Gazette.pdf (дата обращения: 09.04.2019)

²⁹ Например, в Молдове личные гербы регистрируются в Общем гербовнике Республики (ч. 2 ст. 7 Закона Парламента Республики Молдова от 28.07.2011 № 86 «О публичных символах»). 2011. Available at: URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=340408&lang=2> (дата обращения: 09.04.2019)

³⁰ Например, Президентом Италии утверждена хоругвь Трентского университета. Available at: URL: http://presidenza.governo.it/onorificenze_araldica/araldica/emblemi/2008/enti_giuridici/universita_trento.html (дата обращения: 09.04.2019)

общим знаменем» социальных групп на самых разных уровнях, об укреплении родословных традиций. Этимология слова «герб» в русском языке более чем наглядно выражает данный признак: если во многих европейских языках речь идет о связи со словами, обозначающими оружие³¹, то русское слово восходит к немецкому «Erbe», понимаемому как «наследство» или «наследие»³². Стремлением «унаследовать» исторические символы изобилует и практика публично-правовых образований.

Так, в отношении Государственного герба Российской Федерации Н.А. Михалева отмечает, что он «восходит к традиционным российским символам, несет в себе идею стабильности государства и тех непреходящих ценностей, которые составляют его основу» [Окуньков Л.А., 1996: 300]. Прямых указаний на преемственность символа Федеральный конституционный закон «О Государственном гербе Российской Федерации» не содержит³³, однако *de facto* его историческая судьба на протяжении нескольких столетий связана с Россией.

Нередко преемственность исторических символов констатируется *de jure*. По итогам анализа нормотворческой практики субъектов Российской Федерации и муниципальных образований следует выделить несколько вариантов ее нормативно-правового отражения:

путем указания на исторический символ как основу для вновь устанавливаемого (например, «основу герба Архангельской области составляет исторический герб Архангельской губернии»³⁴);

путем восстановления исторического символа, когда предполагается, что соответствующий правовой акт об утверждении символа утратил силу (на-

³¹ Например, *arms* в английском; *armas* в испанском; *armes* во французском; *Wappen* (= *Waffen*) в немецком; *wapen* в нидерландском; *våben* в датском; *våpen* в норвежском; *vapen* в шведском).

³² А.Б. Лакиер, анализируя слово «герб» и его аналоги в славянских языках («herb», «erb», «irb»), замечает: «Не беремся решать, коренной ли это славянский звук, случайно похожий на германский, или же славянское слово обязано своим происхождением германскому корню; для нас важна та идея, которую славяне связывали с названием герба. Это понятие о наследственности эмблемы, о ее неизменяемости» [Лакиер А.Б., 1990: 132].

³³ См.: Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 52. Ч. I. Ст. 5021. О преемственности шла речь только в пояснительной записке 2000 года к соответствующему законопроекту: «Двуглавый орел более 500 лет назад стал первым официальным и признанным в мире гербом единой и суверенной России» — 2000. Available at: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=30742&rnd=285391.2524519958#0> (дата обращения: 07.04.2019). Следует упомянуть, что положения о «целях восстановления исторической символики Российского государства» содержались в преамбуле Указа Президента Российской Федерации от 30.11.1993 № 2050 «О Государственном гербе Российской Федерации» // САПП РФ. 1993. № 49. Ст. 4761 (данный Указ вернул двуглавого орла на Государственный герб после прекращения существования СССР и РСФСР).

³⁴ Преамбула Закона Архангельской области от 15.07.2003 № 178-23-ОЗ «О гербе Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов третьего созыва. 2003. № 23.

пример, «восстановить исторический герб города Перми, официально принятый 17 июля 1783 года, и утвердить “Положение о гербе города Перми” согласно приложению»³⁵);

путем обращения к историческому символу, когда делается акцент, что соответствующий правовой акт об утверждении символа не утрачивал силу, хотя и не применялся (например, «исторический герб Санкт-Петербурга, утвержденный в 1730 году, подтвержденный в 1780 году, дополненный в 1857 году, никогда не отменявшийся и вновь введенный в употребление в 1991 году, является старейшим и основным официальным символом Санкт-Петербурга»³⁶).

При этом, как можно убедиться, преемственность исторических символов может быть и абсолютной (символ принимается без каких-либо изменений), и относительной, когда символ «актуализируется», древние царские и золотые императорские короны сосуществуют в единой композиции с лентой ордена Ленина и т.д.

Стабильность гербов с точки зрения геральдических правил также презюмируется «на века»: взять хотя бы рекомендацию о недопустимости размещения в них конкретных архитектурных и скульптурных сооружений³⁷. Разумеется, ни о чем подобном речь не может идти в случае с товарными знаками, исключительные права на которые имеют фиксированный срок действия, или «символикой», создаваемой для проведения разовых мероприятий.

2.7. Правовое опосредование

Важнейшим признаком, который имеет для правовых символов определяющий характер, является их юридическая регламентация (или, в более широком смысле, правовое опосредование). Этот признак, в отличие от некоторых ранее рассматриваемых, сам по себе уже не является достаточным для разграничения символов и смежных знаковых явлений, получивших

³⁵ П. 2 постановления Администрации Перми от 23.12.1993 № 1840 «О восстановлении исторического герба города Перми». 2019. Available at: URL: <http://www.nordcup.ru/index.php?ds=346398> (дата обращения: 09.04.2019)

³⁶ Ст. 3 Закона Санкт-Петербурга от 13.05.2003 № 165-23 «О детальном описании официальных символов Санкт-Петербурга и порядке их использования» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2003. № 6.

³⁷ В частности, Геральдический совет при Президенте Российской Федерации уточняет: «В гербе нельзя, к примеру, изобразить Московский Кремль или Медного всадника (хотя можно изобразить условную крепость с остроконечными башнями, определив их число, расположение и т.д., или всадника на скале)». См.: Основные нормы составления территориальных и муниципальных гербов: методические рекомендации. 2019. Available at: URL: <https://sovnet.geraldika.ru/article/1992> (дата обращения: 09.04.2019)

нормативное закрепление, однако заметно сужает круг социальных символов, использование которых не имеет юридического значения.

Различные аспекты данного признака неизменно выделяются правоведами при обращении к правовым символам и их характеристикам как закрепленных законодательством (В.К. Бабаев; О.Е. Спиридонова; А.Ю. Глушаков и др.); создаваемых или санкционируемых, а также охраняемых государством (А.В. Никитин; П.Д. Шалагинов).

Символы, закрепленные в официальных источниках права и охраняемые государством, М.Л. Давыдова называет также нормативными или законодательными и предлагает считать их правовыми символами в узком смысле, тогда как в рамках широкого понимания «речь идет о тех условных образах, которые не получили юридического закрепления, но их смысл имеет к праву непосредственное отношение». Последние, по мнению ученой, «представляют интерес с точки зрения правотворческой техники, так как именно они являются тем материалом, который впоследствии подлежит нормативному закреплению» [Давыдова М.Л., 2009: 290–291, 312]³⁸.

С учетом указанной концепции, по нашему мнению, к правовым символам в узком смысле могут быть отнесены и отдельные случаи обычно-правовых символов, не получивших нормативного закрепления. Например, описание флага Швейцарии, повторяющее изображение герба страны, в отличие от последнего³⁹ в законодательстве не установлено. Данное обстоятельство не в последнюю очередь обуславливает и дискуссионный характер определения пропорций флага. Исследователь Й.М. Галликер отмечает: «Так как он [флаг Швейцарии. — И.М.] восходит к военным знаменам, он имеет свою традиционную квадратную форму» [Galliker J.M., 1996: 23].

Рассматриваемый признак, на наш взгляд, затрагивает целый комплекс вопросов юридического опосредования правовых символов, связанных с их бытованием и реализацией ими своих функций, важнейшими компонентами которого являются вопросы их установления, использования и защиты.

2.8. Внешняя объективация в особой форме

В рамках институционально-юридического подхода именно внешняя объективация символов в особой форме послужила нам отправной точкой для поиска остальных признаков рассматриваемого явления на примере гер-

³⁸ Необходимо отметить, что определение грани, пройдя которую символ необходимо подлежит нормативному закреплению, на наш взгляд, является дискуссионной проблемой, как и сам вопрос о пределах действия права в системе иных социальных регуляторов.

³⁹ См.: Bundesbeschluss vom 12. Dezember 1889 betreffend das eidgenössische Wappen. 2019. Available at: URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/18890018/188912120000/111.pdf> (дата обращения: 09.04.2019)

бов, флагов и гимнов. Однако эти объекты, оказывая важную методологическую помощь, не могут исчерпать и не исчерпывают всего богатства форм, в которых существовали, существуют и могут существовать в будущем правовые символы. Одновременно нельзя не отметить системообразующее значение, которое указанные виды символов, взаимно дополняя друг друга, имеют для формирования цельного символично-правового пространства.

Кроме того, в опоре на герб, флаг и гимн нами предлагается выделить соответствующие группы правовых символов, сходных с ними по формальным и функциональным характеристикам:

геральдико-графическая группа, в которую, кроме гербов, можно относить объекты, приближенные к ним по визуально-графической форме выражения, выполняемым функциям и другим признакам, проанализированным выше, однако не являющиеся гербами в строгом понимании (прежде всего, в силу допустимой произвольности составления и графической неизменности воспроизведения), например, эмблемы, геральдические знаки — эмблемы, гербовые эмблемы, гербовые знаки;

вексиллологическая⁴⁰ группа, в которую, наряду с флагами, предлагается относить, в том числе, знамена, штандарты, вымпелы, хоругви⁴¹;

музыкально-поэтическая группа, выделяемая, главным образом, благодаря гимнам — непростой для формально-логического осмысления форме символов, которая тем не менее прочно вошла в употребление у различных субъектов права и позволяет еще более наглядно и комплексно их представить (прежде всего на общегосударственном уровне наряду с гербами и флагами)⁴². На наш взгляд, наряду с гимнами в данную группу символов могут быть включены и иные объекты, соответствующие рассмотренным ранее признакам и рассчитанные на аудиальное восприятие, в том числе марши, песни (официально не сопоставленные со словом «гимн», но выполняющие функции гимнов), фанфары, нередко используемые в настоящее время для краткого торжественного представления высших должностных лиц в качестве их персонифицированных музыкальных символов⁴³;

⁴⁰ Название данной группы символов предполагает их прямую связь с вексиллологией — специальной дисциплиной, предметом изучения которой являются флаги, знамена и другие похожие символы.

⁴¹ Хоругви (итал. *gonfalone*) широко распространены в Италии, где они на уровне областей, провинций и коммун часто замещают флаги либо используются наряду с ними.

⁴² Необходимо обратить внимание, что понятие «гимн», рассматриваемое в значении символа, требуется разграничивать с пониманием гимна как музыкального или литературного жанра.

⁴³ Известна, например, композиция П.Б. Овсянникова «Президентская фанфара», исполняемая во время ряда протокольных мероприятий с участием Президента России непосредственно перед его появлением или выступлением. Особые «Президентские фанфары» имеются, например, и у Президента Словацкой Республики. Available at: URL: <https://www.prezident.sk/page/symboly-a-tena/> (дата обращения: 09.04.2019). В Соединенных Штатах Америки в качестве президентско-

сфрагистическая⁴⁴ группа, выделяемая при допущении, что печати, не вошедшие в универсальную «триаду», являются самостоятельной формой символов, а не простым опосредованием использования тех же гербов. Современная мировая практика знает не только случаи нормативного отнесения печатей к числу символов⁴⁵, но и случаи расхождения содержания печатей и гербов⁴⁶.

Заключение

Обобщая рассмотренные в статье признаки, мы предлагаем в рамках институционально-юридического подхода понимать под правовыми символами уникальные, стабильные, выраженные в особой форме ценностные объекты, условно представляющие субъектов права на разных семантических уровнях, установленные, используемые и охраняемые в соответствии с нормами права.

Институционально-юридический подход к правовым символам позволит придать их исследованиям ту предметную определенность, которую, как отмечает Г.В. Мальцев, институционализируемое явление приобретает, «если институт создается из зыбкого материала верований, ценностей, символов, духовных традиций и т.п.» [Мальцев Г.В., 2010: 19]. Отмечая вслед за ученым важность институционализации при определении единого образа того или иного предмета и при облегчении проблем распознавания, систематизации и классификации тех или иных институтов, подчеркнем актуальность данного подхода применительно к упорядочению терминологии в сфере правовых символов.

го гимна, или фанфар, известна имеющая официальный статус композиция «Приветствие лидеру» («Hail to the Chief»). Available at: URL: <https://loc.gov/item/ihas.200000009> (дата обращения: 09.04.2019)

⁴⁴ Название группы связано со сфрагистикой – дисциплиной, предметом изучения которой являются печати.

⁴⁵ Федеральный закон о гербе и других государственных символах Республики Австрии содержит нормы о печати Республики Австрии (см.: Bundesgesetz vom 28. März 1984 über das Wappen und andere Hoheitszeichen der Republik Österreich (Wappengesetz), § 2 // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. Jg. 1984. Stück 72. Nr. 159. S. 1335); печати как самостоятельные символы рассматриваются в законодательстве всех девяти земель Австрии. Конституция Бразилии предусматривает: «Символами Федеративной Республики Бразилии являются национальные флаг, гимн, герб и печать». См.: Constituição da República Federativa do Brasil de 1988, § 1º Art. 13. 2019. Available at: URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (дата обращения: 09.04.2019)

⁴⁶ Например, в соответствии с Уставом Кельна от 10.02.2009 печатями города являются историческая печать Святого Петра (Petrussiegel), служебная печать и малая служебная печать. Герб Кельна изображается только на служебных печатях, а Petrusiegel, являющаяся главной печатью города со времен раннего Средневековья, несет изображение покровителя города. См.: Hauptsatzung der Stadt Köln vom 10. Februar 2009, § 2 Abs. 2 — 2011. Available at: URL: <http://www.stadt-koeln.de/mediaasset/content/satzungen/hauptsatzung-15042011.pdf> (дата обращения: 09.04.2019)

Библиография

- Веракса А.Н. Символ и знак: диалектика символического познания // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 51–58.
- Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 71–73.
- Глушаков А.Ю. Символы в истории цивилизации: юридический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 12. С. 309–315.
- Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2009. 318 с.
- Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Бизнес как пространство символической коммуникации / Символы в коммуникации. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 7–37.
- Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. 176 с.
- Дробышевская Т.В. Личные неимущественные права граждан и их гражданско-правовая защита. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2001. 131 с.
- Исаев И.А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6. С. 4–10.
- Карабанова Е.Н. Особо почитаемые символы как объект уголовно-правовой охраны: проблемы законодательного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 62–65.
- Колмыков П.Д. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб.: Карл Край, 1839. 93 с.
- Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 399 с.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
- Мальцев Г.В. О социальной природе юридических институтов / Институционализация в праве: сборник статей. М.: РАГС, 2010. С. 5–23.
- Мартынов В.С. Знак и символ как конкурирующие структуры политического дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 110–116.
- Микешина Л.А. Конвенция как универсальная операция познания и коммуникаций // Эпистемология и философия науки. 2013. № 1. С. 16–34.
- Момотов В.В. Символизм в средневековом праве как первоначальный этап формирования права // История государства и права. 2003. № 2. С. 14–19.
- Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники / Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород: [б. и.], 2000. С. 440–450.
- Окуньков Л.А. (отв. ред.) Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: БЕК, 1996. 664 с.
- Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб.: Александрия, 2017. 448 с.
- Соболева Н.А., Казакевич А.Н. Символы и святыни Российской державы. М.: ОЛМА, 2006. 208 с.
- Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления: дис...к.ю.н. Ярославль, 2002. 215 с.

Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Издание М.Ю. Тихомирова, 2002. 972 с.

Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. М.: Академия повышения квалификации работников образования, 2009. 216 с.

Топорнин Б.Н. (отв. ред.) Юридическая энциклопедия. М.: Юристъ, 2001. 1272 с.

Carlyle T. Sartor Resartus: Life and Opinions of Herr Teufelsdröckh. London: Saunders and Otley, 1838. 310 p.

Galliker J.M. Schweizer Wappen und Fahnen. H. 4. Zug: Stiftung Schweizer Wappen und Fahnen, 1996. 96 S.

Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki. 2019. No 4

On the Concept of Legal Symbols within Scope of the Institutional Legal Approach

Ivan V. Maltsev

Official, Ministry of Labor and Social Development, Novosibirsk Region. Address: 6 Serebrennikovskaya Str., Novosibirsk 630007, Russian Federation. E-mail: ivan_maltsev@mail.ru

Abstract

The article analyzes the approaches to study the phenomenon of legal symbols in the science of law. The author pays attention to the fact that the existing approaches to study the symbols restrict the scope of their comprehension to the analyzing the legal forms within the historical-legal and technical-legal paradigms. The historical-legal approach restricts the scope of the respective research works to the issues of the legal form building, where the notion of a 'symbol' is correlated to the notion of a 'custom'. Here, beyond the historical context, the category of legal symbols frequently loses all and any legal significance and cannot be considered as the corresponding legal institution. Within the scope of the technical-legal approach symbols are considered just as a supplementary tool of the legal regulation or a tool of the legal technique. These methods are unable to unfold the whole nature of symbols and do not allow us to solve the issue of their legal institutionalization. The author gives critical assessment of those researchers' considerations on the legal symbols, which are ambiguous in terms of the terminological borders of this scope, warning about the risk of penetration of questionable theoretical structures into the positive law. The research applies the institutional-legal approach to symbols supported by induction through the search for the objects, which can be included into the notion of a 'legal symbol' as an intersectional legal institution with consideration of the important characteristic features of this concept, mentioned in the general scientific concepts and the science of law, as well as with consideration of the terminological practice expressed in the acts of law. The author's definition of the legal symbols within the scope of the institutional-legal approach is based on the complex of the following significant features: conditional character (conventionality); multiple meaning; special value; exclusive legal correlation with the bearing subject; uniqueness; stability; legal mediation; 8) external objectification in a special form. The mentioned features allow us to distinguish the legal symbols from a broader category of social symbols, as well as to demarcate them from the adjacent sign phenomena with the legal importance.

Keywords

symbol; sign; coat of arms; flag; anthem; legal form; juridical technique; institutionalization.

For citation: Maltsev I.V. (2019) On the Notion of Legal Symbols within Scope of the Institutional Legal Approach. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 100–121 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.100.121

References

Davydova M.L. (2009) *Juridical technique: theory and methodology*. Volgograd: University Press, 318 p. (in Russian)

Dormidontov G.F. (1895) *Classifying phenomena of legal life attributable to the use of fictions*. Kazan': University Press, 176 p. (in Russian)

Drobyshevskaya T.V. (2001) *Personal non-property rights of citizens and their civil protection*. Krasnoyarsk: University Press, 131 p. (in Russian)

Dzyaloshinskij I.M., Pil'gun M.A. (2011) Business as the space of symbolic communication. *Simvoly v kommunikatsii*. Moscow: HSE Publishers, pp. 7–37 (in Russian)

Galliker J. (1996) *Schweizer Wappen und Fahnen*. H. 4. Zug: Stiftung Schweizer Wappen und Fahnen, 96 S. (in German)

Glushakov A.Yu. (2008) Symbols in the civilization history: legal aspect. *Izvestiya Rossijskogo pedagogicheskogo universiteta*, no 12, pp. 309–315 (in Russian)

Isaev I.A. (2002) Symbolism of the legal form (historical prospect). *Pravovedenie*, no 6, pp. 4–10 (in Russian)

Karabanova E.N. (2013) Especially respected symbols as the object of criminal law protection: legal regulation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no 10, pp. 62–65 (in Russian)

Kolmykov P.D. (1839) *On symbolism of law in general and Russian in particular*. Saint Petersburg: Karl Kray, 93 p. (in Russian)

Lakier A.B. (1990) *The Russian heraldry*. Moscow: Kniga, 399 p. (in Russian)

Losev A.F. (1976) *Issue of symbol and realistic art*. Moscow: Iskusstvo, 367 p. (in Russian)

Mal'tsev G.V. (2010) The social nature of legal institutions. *Institutsionalizatsiya v prave*. G.V.Mal'tsev (ed.). Moscow: RAGS, pp. 5–23 (in Russian)

Mart'yanov V.S. (2011) The sign and the symbol as competition structures of political discourse. *Politicheskaya lingvistika*, no 3, pp. 110–116 (in Russian)

Mikeshina L.A. (2013) Convention as a universal operation of knowledge and communications. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no 1, pp. 16–34 (in Russian)

Momotov V.V. (2003) Symbolism in medieval law as the primary phase of building of law. *Istoriya gosudarstva i prava*, no 2, pp. 14–19 (in Russian)

Nikitin A.V. (2000) Legal symbol as an instrument of juridical technique. *Problemy yuridicheskoy tekhniki*. V.M. Baranov (ed.). Nizhny Novgorod: no publisher, pp. 440–450 (in Russian)

Okun'kov L.A. (ed.) (1996) *Commentary on the Constitution of Russia*. Moscow: BEK, 664 p. (in Russian)

Pasturo M. (2017) *Symbolic history of the European Middle Ages*. Saint Petersburg: Aleksandriya Press, 448 p. (in Russian)

- Soboleva N.A., Kazakevich A.N. (2006) *Symbols and relics of the Russian Power*. Moscow: OLMA, 208 p. (in Russian)
- Spiridonova O.E. (2002) Symbol as an object of criminal offence. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Yaroslavl', 215 p. (in Russian)
- Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. (2002) *The juridical encyclopedia*. Moscow: Tikhomirov Publishers, 972 p. (in Russian)
- Tolstoy V.S. (2009) *Personal non-property legal relationship*. Moscow: APKiPPRO Press, 216 p. (in Russian)
- Topornin B.N. (ed.) (2001) *The juridical encyclopedia*. Moscow: Yurist, 1272 p. (in Russian)
- Veraksa A.N. (2016) Symbol and sign: dialectics of symbolic cognition. *Voprosy filosofii*, no 1, pp. 51–58 (in Russian)
- Voplenko N.N. (1995) Legal symbolism. *Pravovedenie*, no 4–5, pp. 71–73 (in Russian)